

...των οὐρανῶν καὶ τῆς γῆς ἡμεῖς οἱ ἀνθρώποι
...τοῦ πλάτους τῆς ἐκκλησίας
...τοῦ πλάτους τῆς ἐκκλησίας
...τοῦ πλάτους τῆς ἐκκλησίας

№ 5 (41) ΟΤ 17.05.2019

ИЗДАЕТСЯ ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ МИТРОПОЛИТА РЯЗАНСКОГО И МИХАЙЛОВСКОГО МАРКА

...κεν αὐτοῖς ἐξουσίαν
...ἐκ θεοῦ ἰσάμεθα
...τοῦ πλάτους τῆς ἐκκλησίας

12+

Информационно-просветительская газета Рязанской епархии

Женщина в Церкви

Фото: Марина ДЕРЬБИШОВА

Стр.2

«Могу брать в плен. Но не хочу»

Фото: Наталья ФАУСТОВА/проект «Кольбельные для всей семьи»

Беседа с известной вокалисткой, педагогом, композитором Эллой Хрусталёвой стр.6-7

Колик. Толик. Елик.

Фото: Антоний ТОПОЛОВ

Ничего сложного! Стр.3

О деточке бедной замолвите слово...

Фото: Juhan Sonini/flickr.com

О поисках призвания и подготовке к школе читайте на стр. 10-11

Слово архипастыря

Место женщины в Церкви

Митрополит
Рязанский
и Михайловский Марк

Каково место женщины в Православной Церкви? Иногда мы слышим сетования, что женщина в Церкви – всегда на вторых ролях. Ну, кем, мол, может быть женщина в церкви? В лучшем случае – певчей хора. Уборщицей, смотрителем храма, максимум – катехизатором, учителем воскресной школы. Остальное для женщины закрыто: она

не может быть священником, как в протестантских общинах, или епископом. Место ее в Православии – ограничено. Однако такое суждение – поверхностно и неточно.

Какова главная заповедь, которую Господь дал, прощаясь со Своими учениками? В Евангелии от Матфея мы читаем: «Идите научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа». То есть главное наставление Христа апостолам – научите все народы. И кто же учит?

Если спросить любого педагога, какой возраст ребенка является самым восприимчивым для передачи знаний, то нам скажут, что самыми плодотворными годами для научения является раннее детство.

Дети как губка впитывают информацию, воспринимают в свое сердце картину мира. И именно в это время рядом с ребенком находится женщина, мама или бабушка. И она имеет возможность сказать ребенку о самом главном: о Боге, о Церкви, о Таинствах, о святых. Прочие учителя приходят потом: преподаватели в воскресной школе, священник, епископ. А в самое важное время с ребенком находится женщина.

Вспоминаю историю, когда близкий мне человек начал пытаться одного священника: «Батюшка, а сколько человек ты привел в Церковь по настоящему?». Батюшка задумался, а потом сказал: «Ну, чтобы вот наверняка – одного точно». А батюшка был уже «маститый», служил не один десяток лет.

И в то же время мы слышим от многих и многих людей, как кого-то привела в храм бабушка, другого – научила мама. Всё это плоды женского труда. Поэтому женщина в Церкви несет, на самом деле, очень важное служение. Если она осознает свое место, свою роль – она всевает самое главное: семена живой веры в душу ребенка.

Священник Дмитрий
ФЕТИСОВ, главный
редактор газеты
«Логось»

Эта необыкновенная история приводится в четвёртой главе Евангелия от Иоанна. Спаситель, отпустив учеников для приобретения пищи, у древнего колодца, вырытого ещё патриархом Иаковом, во время самого полуденного зноя встретился с самарянкой и попросил у неё пить. Этим он вызвал её удивление, ведь, согласно традиции, иудеи не общались с самарянами – народом довольно близким по родству и религиозным убеждениям.

Здесь стоит обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, важно то, что эта женщина пришла набрать воды в период, когда солнце припекает особенно сильно. Возможно, это говорит о том, что она была изгоем общества, ведь обычные люди, не страшась встречи с соплеменниками, такую работу делали во время утренней или вечерней прохлады. Жизнь её, как это видно из дальнейшего повествования, была довольно беспорядочна и этим наверняка вызывала неприязнь и порицание со стороны окружающих.

Во-вторых, заметим, что Господь начинает разговор с самарянкой, явно нарушая пусть и не Ветхозаветный Закон, но общепринятую традицию, дабы пожертвовав второстепенным (человеческой традицией), соблюсти главное – любовь к ближнему. В-третьих, Господь, спросив у самарянки пить, учит нас не пренебрегать приёмами риторики и педагогики, дабы затеять душеполезный разговор.

Далее между собеседниками затевается богословская беседа, которая обнаруживает, что душа этой в общем-то неправедной женщины жива – ведь её явно интересуют вопросы истины и спасения. И вот, в определённый момент этого диалога Спаситель говорит ей о том, что он может дать воду, испив которую человек не возжаждет во век: «...а кто будет пить

Ломтев Н.П. Христос и самарянка

Христос и самарянка

Пятое по счёту Воскресенье после Пасхи посвящено событию, на некоторые важные нюансы которого мы довольно мало обращаем внимание – беседе Христа и самарянки. Беседе, которая может нас научить очень многому

воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4:14).

Что же это за вода, которую Христос обещает дать самарянке и всем верующим в него? Согласно святоотеческому истолкованию – это благодать Божия, оживотворяющая и дающая нетленную радость тем, кто способен её воспринять. Испив этой «воды», святые и сами делают её источниками, способными напоить многих страждущих.

“И тут совершается ещё большее чудо: видя эту женщину с запятой, по меркам патриархального общества, репутацией и слушая её слова, многие жители обращаются ко Христу”

Когда же удивлённая женщина просит у Спасителя этой воды, он просит её пойти и позвать её мужа: «Иисус говорит ей: пойдя, позови мужа твоего и приди сюда. Женщина сказала в ответ: у меня нет мужа. Иисус говорит ей: правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала».

Удивительный урок преподаёт нам Господь! Зная, что самарянка ведёт неправед-

ный образ жизни, Он обращается к ней как к заведомо благочестивой и тем самым вызывает её покаяние. Сколь успешна была бы и наша проповедь, если бы мы усвоили этот добрый навык общения с людьми, живущими вне церковной ограды!

Далее происходит кульминация беседы: женщина, считая Господа пророком, задаёт ему главный вопрос про Мессию и получает уверение в том, что она сейчас и разговаривает с тем самым обетованным Мессией.

Самарянка, оставив сосуд для воды (позабыв про столь важное мирское попечение) «...пошла в город, и говорит людям: пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала: не Он ли Христос?» (Ин. 4: 28-29).

И тут совершается ещё большее чудо: видя эту женщину с запятой, по меркам патриархального общества, репутацией и слушая её слова, многие жители обращаются ко Христу и «потому, когда пришли к Нему Самаряне, то просили Его побыть у них; и Он пробыл там два дня. И еще большее число уверовали по Его слову. А женщине той говорили: уже не по твоим речам веруем, ибо сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира, Христос» (Ин. 4:40-42).

Это тоже удивительный пример. Люди, населявшие данную местность, могли бы отмахнуться от своей односельчанки, зная, что она не беспорочна, но они не сделали этого и, потрудившись, обрели спасение.

Священник
Константин
КАМЫШАНОВ

Евангелие «лицом к народу»

Узнал о том, что одному священнику было внушение от части прихожан и начальства за то, что читал Евангелие лицом к народу. А в чем, собственно дело? Почему его надо читать лицом к народу? Или почему его надо читать спиной к народу?

Как мне сказали, лицом к народу читают в некоторых приходах Православного Запада. Мотив простой: «Люди лучше слышат. И Евангелие обращено к народу, а не к стене в алтаре. Христос никогда не говорил, повернувшись спиной к ученикам. Он говорил на их родном языке, а не на языке профессионалов. Разговаривать через спину – вообще, нонсенс. А чтение лицом к лицу усиливает вовлеченность прихожан в службу, и они понимают, что Бог говорит именно им».

С другой стороны, говорят, что вся служба – это сослужение с Богом, поэтому все стоит лицом к Престолу Божию. А чтение и так хорошо слышно. В го-

родских храмах бывают динамики, разносящие голос равномерно по всему храму. А на сельском приходе и так слышно.

Обе позиции понятны. И недоумение, как это часто сегодня бывает, от недостатка богословской аргументации.

Но от себя могу добавить – не от богословия, а от практики: направление чтения мало влияет на реальное восприятие народом Евангелия.

Представим себе человека, не следящего за богослужебным календарем. Он идет в храм и совершенно не догадывается о том, что там прочтут в Евангелии. Внезапно читают, например, о том, как надо приобретать

друзей именем неправедным или про исцеление отрока римского сотника. Места сложные. Сналету не разберешь. Чтобы воспринять вполне, нужно знать и исследовать Писание. Но мало таких людей, кто знает смысл всех его частей. Поэтому им все равно, читают лицом к ним, спиной или голос идет сбоку из динамиков.

Я знал одного благочестивого пожилого рязанца. Он перед каждой обедней сам прочитывал Евангелие, все положенные жития, все тропари и кондаки. И оно на службе станови-

лось не только понятно, но и открывалось с новой неожиданной стороны, обнаруживая новые глубины.

Раньше почти весь народ был неграмотным, чтение в храме было единственным источником знакомства с Писанием. Сейчас все умеют читать. К службе лучше всего готовиться. И читать не только каноны и Последование, но и Евангелие. Тогда проблемы со спиной или с лицом не будут вообще. А когда человек не готов – читай как угодно, все одно: внезапно очень

трудно воспринять текст, да еще на языке, который не в обиходе.

Можно службу воспринимать и духом, совершенно не вникая в текст тропарей, ектений, молитв и Евангелия. Но все же текст тоже несет много такого, что человеку не приходило на ум. Не воспринимать дар слова – самого себя обкрадывать.

И главное – мы служим людям таким, какие они есть. И нужно ко всем быть снисходительными и понимать, что главное в службе – человек, стремящийся к Богу. А стремится он так, как это в его силах и как он умеет. А мы должны думать о том, как ему помочь воспринять благодать Божию наилучшим образом.

Источник:
<http://portal-logos.ru>

Фото: Антоний ТОПОЛОВ

Записки переводчика

Колик. Толик. Елик

Еликонида
МИЛЕХИНА

В преддверии празднования Дня славянской письменности и культуры (24 мая) хочется вновь поговорить о церковнославянском языке – о языке нашего богослужения, к которому причастны святые братья Кирилл и Мефодий.

В Воскресной школе с детьми мы читаем тексты на церковнославянском языке, и у них зачастую появляется один и тот же вопрос: вот, вроде бы, все понятно, особенно, когда выучили буквы и их произношение, слова почти как в русском, но почему же трудно? И тут каждый раз приходится вспоминать, что церковнославянский язык с самого своего зарождения – богослужебный, на нем никогда не говорили! Вот поэтому учить его приходится не как обычные языки, на которых мы общаемся, а именно как сакральный, специально созданный для службы – красивый и витиеватый.

И, по традиции, рассмотрим пару сложных слов, пополняя наш словарный запас понимания церков-

нославянского языка, чтобы и на службе было стоять интереснее. А обратиться стоит к одной из сложных тем: местоимениям, точнее к нескольким, очень схожим по звучанию – коликъ, толикъ, еликъ. Да, если они в начальной форме, то выглядят как имена людей (дети так и думают, что речь идет о каких-то Толике и Елике, особенно когда не обращают внимание на ударение), но если форму поменять, тоже не слишком понятны. Их значение придется все-таки заучить.

Впросительное местоимение коликъ встречается довольно часто. Например,

мы слышим это слово в Евангелии: Тогда глагола ему Пилат: не слышиши ли, колика на Тя свидетельствуют? (Мф. 27:13) Здесь даже можно догадаться о переводе – «сколько». Не сложно, да?

С относительным местоимением еликъ сложнее. Да, его форма елицы знакома многим, так как стих «Елицы во Христа креститеся, во Христа облекостеся» поется вместо «Святый Боже» на богослужении в некоторые праздники. Но каков же перевод? Думаю, напомнить не помешает: «которые, каковые». В некоторых других случаях

может переводиться и как «сколько».

И напоследок вспомним об указательном местоимении толикъ, толико. С виду самое непонятное. Возьмем еще один пример из Нового Завета: Глагола ему Иисус: толико время с вами есмь, и не познал еси Мене, Филиппе (Ин. 14:10). У этого местоимения только один перевод – «столько». Кстати, именно оно употребляется в паре с еликъ – елико-толико (сколько-столько): елико велик грех, толико имать быти и страдание («насколько велик грех, настолько будут и страдания». Алфавит духовный).

Михаил
АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Появление табака на Руси: борьба с искушением

Однажды европейские моряки привезли из Нового Света диковинные листья. Они набивали их в трубки, поджигали и вдыхали дым. Это увлечение было принято обществом неоднозначно, но через определенное время курение табака распространилось так, что невозможно было найти равнодушных к нему.

Смрад над Европой

В Европе появились плантации и мануфактуры, а затем весь мир с радостью воспринял новую страсть. Табак стал олицетворением роскошного образа жизни: разноцветные пачки, дорогие аксессуары, изысканные сорта. Его рекламировали в самых модных журналах, он стал неизменным атрибутом богатых и знаменитых, а затем и предметом первой необходимости для значительной части общества.

Это краткая история появления табака, которая известна всем. Но в тени остались малоизвестные факты, которые меняют представление о губительной привычке, открывая масштабы бедствия.

Итак, моряки действительно переняли от индейцев привычку курить сушеные листья растения, неизвестное европейцам. После первого же проявления в обществе, Церковь, а вслед за ней и монархи, осудили это новое увлечение, но его приняли определенные круги. Началось противостояние государственной власти европейских держав и отдельных высокопоставленных энтузиастов (Медици, Нунций Турнандон и другие). В итоге, прилипчивое увлечение набрало большое количество поклонников. Распространению табака способствовали медики, проводившие шарлатанские исследования и выпускавшие брошюры, а также влиятельные слои обще-

ства, употреблявшие его на специальных вечерах.

Тот факт, что определенные персоны стали курить напоказ, писать хвалебные статьи об этом увлечении и предлагать его попробовать, не был бы так разрушителен, если бы не одна особенность данной страсти. Табак – растение, содержащее наркотические вещества, вызывающие привыкание с однократного употребления. Химический состав современных сигарет усиливает этот эффект. (Подробнее об этом можно будет прочитать в книге, которую я готовлю к изданию: <https://vk.com/contrasmoke>).

В то время, как табак завоевывал Старый Свет, на Руси текла особенная жизнь, сложившаяся вследствие географических и исторических факторов.

Традиционно местное население с недоверием относилось ко всему новому, от чего произошел известный и поныне консерватизм. Уклад жителей Руси полностью обуславливался инертностью и религиозностью общества и являлся барьером против культурной экспансии.

В XVI веке Европа, после борьбы, пала перед табачным искушением и активно включилась в омут мировой торговли дурмаными зельем. Взоры заморских купцов обратились на неосвоенные территории. Поблизости находился крупный, но самобытный сосед – Русь.

Дурман соблазна

Табак был известен на Руси еще при Иване IV. Он использовался, в основном, приезжими иностранцами. В народе первоначально распространения не получил – этому противостояло мировоззрение общества и быт – большая часть построек в городах и населенных пунктах были деревянные, а значит была велика опасность пожаров.

Известно, что в товарных объемах табак на Русь стали привозить с XVI века английские торговцы. Новинку с радостью восприняли деклассированные элементы. Разбойники, так называемые, гулящие, ссыльные, беглые, приезжие лихие люди из разных стран полюбили диковинное зелье. В их среде оно стало распространяться, и государственная власть предприняла попытки по контролю этого явления. На законодательном уровне был установлен строжайший запрет торговли, хранения и употребления табака. Несмотря на все меры, попытки заморских купцов распространить его на Руси не ослабевали, но напротив – усиливались.

Особенно дерзко действовали контрабандисты во времена смуты. Пользуясь нестабильностью государства, иностранцы бросились продавать русским табак сначала деше-

во, чтобы распространить его как можно сильнее. Количество пристрастившихся людей росло, увеличивая масштабы бедствия. По свидетельству Олеария, курильщики табака на Руси были страдающими от зависимости людьми, которые последние деньги изыскивали, чтобы его купить (Олеарий. Описание путешествия 1634. Перевод А. М. Ловягина, 1906 год). Простодушные люди пробовали заморское зелье, «упивались» до обмороков, а после были не в силах от него отказаться.

Уже в те времена было известно, что употребление табака не является невинной забавой. В источниках содержатся упоминания о характере бедствия среди тех, кто, несмотря на все запреты, употреблял вражеское зелье. Например, царская отписка (Михаила Федоровича) из Тобольска в Туруханск свидетельствует, что зависимые от табака люди страдали сильнее, чем зависимые от алкоголя. Они разорялись, впадали в долги, теряли имущество. Законы того времени отождествляли курение (или как это называлось в те времена, «питие») табака с другими вредными привычками – азартными играми и даже преступлениями. По мнению жителей Руси того времени, данная страсть уже была признаком человека недоброжелательного поведения.

Уклад против Разлада

Русское государство и Церковь выразили однозначно отрицательное отношение к табаку. Царь Михаил Федорович запретил его употребление и продажу под страхом кары. В обществе появились гонители заморского дурмана.

В книге «Мир с Богом человеку», имевшей распространение при царе Алексее Михайловиче, табак упоминался как отвратительное, проклятое, неприемлемое для человека зелье, лишаящее Божьего благословения. Этот правитель подтвердил запрет в своем Уложении. Он установил строгое наказание, приравняв употребление табака к тяжким грехам.

Позже и Церковь, под руководством Никона, и приверженцы старообрядцев только усилили свое отрицательное отношение к дурманыму зелью. Население, ревнующие о чистоте уклада, поддерживало Церковь.

Наказание за курение, хранение и продажу табака было крайне суровым. Вдумайся, читатель, за употребление запрещенного зелья виновного могли казнить, подвергнуть ударам кнутом и прочим телесным «смирениям», не говоря о конфискации имущества. Причем, это касалось не только граждан Руси, но и приезжих.

Таким образом, несмотря на усилия торговцев, табак на Руси не получил массового распространения. Народ, в большинстве, не хотел принимать это вредное новшество. Так, как же «зелье табачище» смогло пробиться сквозь броню уклада на Руси и стать частью повседневности?

Дальнейшие перипетии этого процесса связаны с появлением столь значимой для судьбы страны, сколь и загадочной персоны Петра I. Но об этом – в следующем номере.

Ибердус

В Касимовском районе, в самом сердце Мещёрских лесов, недалеко от реки Оки расположено село Ибердус. В древности его населяло финно-угорское племя мещёра. Само название села – финно-угорское слово, оно значит «что-то, расположенное над рекой»

По информации Рязанских платёжных и окладных книг известно, что в 1628-1630 годах Ибердус значился ещё деревней, а в 1647 – уже селом с церковью Зачатия святого славного Пророка и Предтечи Крестителя Господня Иоанна. Существует легенда о том, что место и название церкви подсказала писаная на железе икона «Зачатия Иоанна Предтечи», принесённая на место будущего храма во время наводнения. Первая церковь сгорела, и в 1722 году на этом же месте построили новый деревянный храм, который прослужил прихожанам около двухсот лет. В 1907 году тщанием прихожан был построен новый храм, также в честь Зачатия Иоанна Предтечи. Этот, уже каменный храм с колокольнею, имеет два придела: правый придел – во имя святого Николая Чудотворца, левый придел – во имя святой мученицы Параскевы.

В годы богоборчества храм был разорён, его здание использовалось для хозяйственных нужд местного колхоза. Несмотря на разруху и запустение, царившее тогда в стенах церкви, этот величественный и красивый храм ныне возобновлён. От стен Зачатьевской церкви, как ее называют в народе, открывается удивительный вид на пойму Оки.

На переломе XVIII – XIX столетий служил здесь родоначальник семьи Рябцевых – ещё бесфамильный диакон Галактион Ерофеев, а уже его внуку Гавриилу была дана фамилия Рябцев, поскольку в 1820-е годы, по распоряжению Императора Александра I, всем священнослужителям присваивались фамилии. Таким образом, в селе Ибердус берет своё начало священнический род Рябцевых, к известным представителям которого относится священномученик Матфей Касимовский (Матвей Михайлович Рябцев). Сам отец Матфей служил в соборе города Касимова. Когда началась Первая Мировая война, батюшка безвозмездно помогал в городском лазарете. В ноябре 1918 года он был расстрелян, истинные причины чего доподлинно не известны. Согласно сведениям, опубликованным протоиереем Владимиром Правдолюбвым, причины могли быть разные. Во-первых, отец Матфей укорял за жестокость

лично ему знакомого комиссара Кокорева, командующего карательным отрядом; во-вторых, он протестовал против расстрелов у стены собора; в-третьих, он мог быть арестован «просто как авторитетный священник».

Солдаты не желали ни арестовывать, ни приводить приговор в исполнение, ведь все любили отца Матфея. Тогда сам Кокорев расстрелял батюшку. Вскоре, говорят, он заболел и в страшных муках кричал: «Отец Матвей, прости!». «Народная совесть увидела в этой болезни и смерти Кокорева Божие наказание», – пишет протоиерей Владимир Правдолюбов. Могила отца Матфея сохранилась до наших дней. Решением Священного Синода 27 декабря 2000 года священник

“ Приехав в Ибердус в прошлом году, мы попали на престольный праздник церкви – Рождество Иоанна Предтечи – и сами стали свидетелями пусть небольшого, но явного чуда

Матфей Рябцев присоединён к Собору новомучеников и исповедников Российских. Так, изучая историю храма села Ибердус, мы узнали о предках святого новомученика Матфея Касимовского.

Не менее интересным является и тот факт, что с тех пор, как Зачатьевскую церковь начали восстанавливать и в храме стали совершаться

службы, произошло несколько исцелений бесплодия. Как рассказывают прихожанки храма, семейные пары приезжали сюда на литургию, а затем посещали святой источник, находящийся недалеко от храма. Обращаясь в молитве с просьбой об исцелении, некоторые молодые люди получали по вере своей – спустя некоторое время Бог даровал им детей.

В настоящее время подавляющее большинство прихожан церкви – это люди пожилого и предпенсионного возраста. Но в дачный сезон в село приезжает много людей из городов, и храм посещают молодые люди, семьи с детьми.

Вот и наша семья приезжает на каникулы сюда – на малую родину наших родителей. В селе живёт наша бабушка, которая перенесла годы высмеивания верующих, в числе коих была и она, тогда еще совсем девочка. А теперь каждое радостное событие в храме: освятили и установили колокола, покрыли купола, отремонтировали кровлю – это и её личная радость.

Приехав в Ибердус в прошлом году, мы попали на престольный праздник церкви – Рождество Иоанна Предтечи – и сами стали свидетелями пусть небольшого, но явного чуда. Дело в том, что летом 2018 года с самой весны в селе не было ни одного дождя. И вот, после праздничной литургии, которую служил

владыка Дионисий, тогда еще епископ Касимовский и Сасовский, все молящиеся под звон колоколов крестным ходом с иконами и хоругвями прошествовали на святой источник. Здесь в конце водосвятного молебна сельчане услышали громкие раскаты грома. Бог услышал наши молитвы! Не успели все желающие наполнить ёмкости освящённой водой, как начался ливень. Мы не стали прятаться, а всей семьёй возвращались домой босиком по тёплым летним лужам, и Бог сам окроплял нас столь долгожданной дождевой водой!

История Церкви села Ибердус Касимовского района Рязанской области – одна из мириад подобных историй храмов нашего края. Некоторые из них безвозвратно исчезли, другие же стараниями прихожан и благодетелей восстанавливаются. Говорят, когда только начали восстанавливать из руин церковь села Ибердус, бабушки, вытаскивая мусор и обрушенный кирпич, плакали или от обиды за поругание святыни, или от радости, что это позади. Теперь перезвон колоколов вновь слышен во всех окраинах села, благовест разносится по залившим лугам окрестностей, по лесу, возвышающемуся на опушке. Купола сверкают на солнце, переливаясь и отражая небо.

Но много ещё предстоит сделать, ведь внутри храм совсем не отреставрирован. Кирпичная кладка стен и сводов ждёт своего времени, когда искусная рука мастера распишет их библейскими сюжетами. Оба придела храма обязательно обретут красивые иконостасы, с которых будут взирать на молящихся небесные заступники. Тогда посетители храма сего, как когда-то наши предки, не сразу смогут понять, на земле они или на небе. Ведь любой храм – это ориентир для человеческой души, необходимый ей, как воздух. Храм должен жить...

Александра РЫЧАГОВА

Элла Хрусталёва:

«Могу брать в плен. Но не хочу»

Беседуем с известной рязанской вокалисткой, композитором, педагогом, участницей шоу «Голос» Эллой Александровной Хрусталёвой о материнстве, призвании, музыке и вере.

– Первый вопрос – как Вас представить читателю? У Вас много профессий, но кто Вы в большей степени, как сами ощущаете?

– Я – концертирующий педагог. К счастью, существует такая разновидность в нашей профессии. А вообще мне кажется, что сейчас наступает благоприятное время для меня как для автора-исполнителя собственных песен и все больше хочется сделать сольных проектов. Но я рада, если удаётся совместить приятное с полезным – как в нашей интерактивной семейно-творческой мастерской «Пой с семьей!», получившей Президентский Грант. Итогом этой работы стал выпуск диска с моими (и моих друзей) песнями. Начало положено!

– Элла, сейчас наступает пора больших экзаменационных драм у выпускников. Все боятся не поступить, выбрать не ту специальность... А вот Вы изначально получили диплом филолога. Казалось бы – вся жизнь определена, но закрутилось иначе. Поделитесь: что это был за путь из учителя русского языка – в популярные и успешные исполнители?

– Сначала был литфак, верно. Пошла туда по стопам мамы, и знала – гарантированно поступлю, ведь я была очень начитанным ребёнком с врождённой грамотностью. В Москву, конечно, в глубине души хотелось...но я чувствовала, что как-то слаба, не защищена от искушений, не готова в духовном плане – слишком я была домашняя, что ли... Ну, и музыки я тогда еще остерегалась.

– Как это? Вы же закончили музыкальную школу.

– Да, но с музыкой были такие странные отношения: по принципу «и хочется, и колется». Я понимала, что буду иметь дело с совершенно необъятным, сложным океаном искусства, и кем в нём стану я?.. Преподавать классику в музыкальной школе мне тогда совсем не

хотелось, а к эстрадно-джазовому поприщу в провинции попросту не готовили. Всё, что я умела на тот момент, было результатом моей «наслушанности» (в домашней коллекции брата была прекрасная зарубежная эстрада, джаз, арт- и симфо-рок) и хоровых навыков. Ещё я пробовала решать сложные инструментальные задачи: подбирала на пианино «Богемскую рапсодию» и сложные композиции Тухманова, Таривердиева, Кажлаева, придумывала джазовые интерпретации отечественных рок-хитов и мечтала двигаться дальше именно в этом направлении...

Мне кажется, я как-то интуитивно отодвигала от себя встречу с Музыкой – той, к которой стремилась моя душа – до момента, когда сама буду готова, когда повзрослею, когда будет, ЧТО сказать. И потом, мне тогда казалось, что музыкой не надо зарабатывать на жизнь, что произойдёт профанация чего-то важного, даже сакрального... Как-то так.

– А потом, как решились так круто изменить профессию?

– Потом меня «судьба нашла» в пионерском лагере, на практике... Мое выступление заметили на одном из концертов, пригласили на прослушивание в джазовую группу, искавшую солистку, и так я начала петь джаз. А потом в этот же год я вышла замуж, у меня родилась дочка, и декретный отпуск стал для меня важным моментом осмысления: кто я, чего хочу, куда дальше дви-

гаться. Собственно, все три моих декрета были такими поворотными моментами...

– Интересно. Чаще декрет представляют такой бездной уныния где-то посреди кастрюлек, пеленок и градусников.

– Нет, я конечно, тоже приунывала – во втором и третьем декрете... Мне было грустно, что я не так востребована, как прежде, что не звонит телефон, что моя группа ездит с выступлениями во Францию, Германию, а я сижу... Хотя на самом деле мне было очень хорошо дома, дети – это был мой космос... Но видимо какой-то отголосок «старой» меня еще возмущался, требовал насытиться вот этой интенсивной внешней жизнью.

А с профессией преподавателя вышло вот как. После вуза мы уехали с мужем по распределению в Кораблино, я год отсидела в декрете, а потом вышла в школу: год работала на продленке, год – как учитель. И вот в той самой продленке я осознала, что с детьми мне очень интересно заниматься не уроками, а именно внеклассной деятельностью. Мы придумывали концерты, конкурсы, модные дефиле, строили снежные крепости, устраивали ролевые игры... А проверка тетрадей меня, очкарика, – просто убивала, угнетала.

– Потом вы вернулись в Рязань...

– Да, стала работать на кафедре литературы в родном педагогическом. Мне нравилось читать лекции, нравились мои студенты, было очень интересно по-

взрослому открывать для них мир словесности... Мы готовили литературные вечера по поэзии Серебряного века, и это было очень красочно, живо – в общем, меня снова «догоняла» самодеятельность. Хотя... я иногда думаю, что сегодня с удовольствием почитала бы академические лекции по литературе. Сейчас у меня период общения через эмоции – и со зрителями, и с учениками-вокалистами, – но чуточку не хватает интеллектуальных задач... Мой мозг недогружается (улыбается).

– А что было во втором декрете?

– Во втором... Меня очень выручила поэзия – любимый Серебряный век... Сидя дома, я «развевалась» тем, что ставила на пианино этические сборники классиков и импровизировала, сочиняя музыку на стихи Ахматовой, Гумилева, Цветаевой, Бродского... Я просто листала книгу, находила то, что «цепляет» – и музыка словно лилась сама, без преувеличения. Тогда я почувствовала, что по сути я – лишь проводник, я только схватываю мелодию, которая открывается мне откуда-то свыше. Большинство мелодий я не записывала, и потом многое забылось...

Но тогда же ко мне пришла и вылилась единым духом музыка на одно цветаевское стихотворение. Тогда я назвала его по одной из строчек – «Три неволи», теперь называю по другой – «Три свободы»... Именно с этой песней я потом поступала в Москву в эстрадно-джазовое училище, с ней (на новом уже уровне) выпу-

скалась, с ней же получила первое место на конкурсе молодых композиторов... В общем, судьбоносная оказалась песня.

– Знаете, меня в начале разговора зацепила фраза про Вашу «слабость» и боязнь искушений. Вот интересно: обычно подростки в период «абитуры» думают как раз наоборот: «Сейчас еду в другой город и оторвусь!». А что Вас держало – это уже были императивы религиозного сознания?

– Ох... Думаю, нет. Скорее, осторожное постижение баланса внешней и внутренней жизни. Не могу сказать, что тогда я была религиозной девочкой. Я просто была младшая в семье, и всех моих родных очень любила, доверяла, боялась огорчить...Творческие дети часто бывают не очень приспособленными к жизненным испытаниям, робкими, застенчивыми, со своей внутренней тайной.

– Сейчас Вас не назовешь ведомым человеком.

– Да, самостоятельность и смелость пришли только тогда, когда сама стала мамой. Я стала сильнее. Не физически, здесь как раз ровно наоборот. Мои младшие дети – мальчишки-погодки. Тогда-то и начались проблемы со спиной, недосыпы, постоянное эмоциональное напряжение по поводу болезней и разных «нестроений»... Это с одной стороны. А с другой – появились какие-то совершенно иррациональные внутренние силы, ощущение ответственности и понимание, что для детей ты можешь свернуть горы... И мне кажется, кстати, что с тех пор у меня жизнь проходит в неразрывном сочетании силы-слабости. Хотя это, наверное, удел всех мамочек...

– Родным было сложно принять изменения Вашего жизненного пути?

– Думаю, да, непросто. Когда с появлением детей я ощутила свою «отдель-

ность» и право на неё, я стала смелее раздвигать границы – и почувствовала недоумение и сопротивление со стороны родителей. По поводу рождения третьего ребенка с мамой был конфликт и долгие переговоры. Но я абсолютно была убеждена, что ему – быть, что от живой души я не могу «избавиться». И это был поворотный момент нашего бытия... Мама многое пересмыслила, всех внуков и внучек (их у неё шестеро) обожает и не представляет, что могло быть иначе.

– В одном из интервью Вы рассказывали, что Ваша бабушка была певчей в церковном хоре, а ведь это были годы, когда и храмы-то в Рязани были почти все закрыты...

– Моя бабушка Мария Петровна Русанова жила под Касимовом, и храм там, действительно, тогда был открыт всего один – Никольский. Бабушка осталась вдовой с двумя детьми в 42 году. Её семья была очень воцерковленной, и вся ее родня (племянники, сестры) были певчими, дядя – регентом. Все годы до глубокой старости бабушка пела и помогала в храме Николая Чудотворца (и в Скорбященском храме в Рязани). Мама рассказала мне, что баба Маша была знакома с отцом Иоанном Крестьянским, неоднократно посылала пожертвования в Псково-Печерский монастырь, ездила туда.

В Касимове меня крестили (тайно от папы: он был партийным работником и называл себя атеистом), бабушка водила меня летом ко Причастию. Помню, что мы вставали рано, выходили по холодку, шли на катер, потом поднимались в гору... Конечно, не каждое воскре-

сенье, но и не изредка. Когда бабушка брала меня с собой, то оставляла возле иконы Казанской Божией Матери и уходила петь. И вот я помню, как стою и мне без бабушки – очень грустно, и время тянется долго... Но это меня и учило смирению. Я стою вроде бы оставленная – и не оставленная все равно. Сейчас, когда бываю в Касимове, захожу в этот храм – всё теперь кажется таким маленьким, но ощущение чуда не проходит.

– Бабушка рассказывала о вере?

– Бабушка, конечно, была удивительным, но достаточно закрытым человеком. Всё, что она делала – она делала в первую очередь для Бога, я уже тогда понимала это. У нее от священника было даже благословение крестить мирским чином. Представляете, она никогда не ругалась. Самым жестким ее попреком, когда не слушались мои двоюродные братья, была фраза: «Ну, знаешь, кто ты? Ты – негодный мальчик». Всё.

В быту, когда мы вместе, помню, чистили клубнику, она любила рассказывать жития святых – особенно житие Алексия, человека Божия. И лицо ее в эти моменты так светилось... Казалось, она говорит про близких, любимых родственников.

– Выходит, бабушка заложила некий духовный фундамент.

– Да, конечно. Это осозналось мною уже позже, во взрослом возрасте. А в детстве жизнь в гармонии и спокойствии, под защитой чьих-то молитв кажется такой естественной... Но папа категорически запрещал мне ходить в церковь. Од-

нажды – подробно помню – я увидела в теленовостях кадры с Конгресса миролюбивых сил (он проходил в Москве в начале 70-х), там показали священника. Я воскликнула: «Ой, смотрите, батюшка!». Папа насторожился: «А ты откуда знаешь, что это батюшка? Если я узнаю, что ты ходила в церковь...» – и он так помолчал многозначительно, а я почувствовала себя неловко и замкнулась.

– А когда же снова наступил поворот к церковной жизни?

– Мне кажется, это всё поворачивается до сих пор. Думаю, именно с приходом ко мне моих детей и началась поворот. Я стала очень остро чувствовать боль людей. Стала почему-то ощущать чужое одиночество. Наверное, это был какой-то этап взрослости: раньше, вероятно, мои эго и незрелость не давали замечать вот эти боль и одиночество окружающих. С детьми же прибавилось какой-то осознанной сердечности. И это, повторюсь, накладывалось на физическую слабость, с которой нужно было справляться... Как не исчерпаться в каждодневной самоотдаче? Как стать сильной и счастливой, чтобы быть примером для детей? Тут точно не обойтись без помощи близких и Божьей помощи.

– Здорово. Мне кажется, это непросто для человека с «героическим» советским воспитанием: понять, что материнство – это не повод поставить на себе крест.

– Да, лучше без крайностей. Так ведь и до депрессии недалеко. Если ты пожертвовала всем, рассыпалась на куски и ничего

от тебя не осталась, что останется детям? Во многом, действительно, это наше советское воспитание: на завод от звонка до звонка, потом дети и дом до полного изнеможения... Женщинам советской поры была очень свойственна гиперответственность. И только ли советской?

Я в детстве наблюдала деревенских женщин, их тяжелый труд в колхозе и домашнем хозяйстве...

Я много думала, что было бы, если бы я так жила: мне кажется, я была бы грубее, злее, жестче. Жизнь на износ огрубляет. Вспоминаю женщин из деревни, где жила вторая моя бабушка – Дарья Савельевна... Там народ был менее воцерковленным, характеры дерзкие, темпераменты горячие – мне кажется, когда-то это была казачья деревня, типажи, как в «Тихом Доне»... И огромное количество пьющих женщин... просто горе. При этом необыкновенная щедрость и теплота души.

– А какой все-таки разнообразный опыт детских воспоминаний...

– Да, мне кажется, что в семидесятые годы в деревне я застала еще тот пласт традиций, который сохранился с начала века, с дореволюционных пор. Я видела, как покойников несут на погост через всё село, как широко всем селом гуляют свадьбы, на которые чуть не с петухом под мышкой спешит родня... Я действительно благодарна этому опыту, он очень меня обогатил. Мне кажется, что на меня повлияла и неизжитая печаль бабушки Даши (муж ее без вести пропал в самом начале войны), и её поздняя горячая любовь к нам с братом... До сих пор, кстати, моя мама считает, что мои песни «слишком грустные».

А если вернуться все-таки к вопросу о моем пути к вере... Знаете, я, наверное, не самый воцерковленный человек в городе, не слишком часто я бываю в храме. Но я чувствую, что в моей жизни это занимает всё более значимое место. Я ощущаю радость от молитвы, от участия в службе и Причастия. Раньше, я помню, было больше боязни и трепета, сейчас – больше смелости и радости, понимания того, что я делаю. Ещё появилось чувство, что жизнь действительно бесконечна, что жизнь вечная – не просто слова, не умозрительная формула, и это прекрасно! Это осознание пришло ко мне после смерти папы...

В этот момент наш разговор прервал не совсем трезвый, но бравый молодой человек, который по ошибке зашел в гримерку в поисках кафе. С восхищенным «А я Вас видел!» он принялся изливать комплименты – насколько они возможны на сленге юноши, усиленно пытающегося избежать нецензурных фраз.

– Вот-вот, меня всегда пугали такие моменты в жизни артиста. Хорошо, что я рано вышла замуж, было, кому защитить от поклонников, – рассмеялась потом Элла Александровна.

– А поклонников, наверное, было много?

– Зритель любит образ, который нарисовало его воображение. И, как правило, ко мне реальной это не имеет отношения. Знаете, я всегда понимала, что с помощью музыки могу «брать в плен», музыкой ведь можно одурманить, захватить зрителя и не отпускать. Особенно если он сам «обманываться рад»... Но нет, мне это не нравилось. Я люблю со зрителем дружить, люблю творческий интерактив, когда на меня смотрят заинтересованными, но трезвыми глазами, а не под дурманом. Хотя, конечно, да – иногда похулиганишь... но не дальше «до» третьей октавы... (улыбается).

– Элла, вы ведь помимо большого количества концертов часто выступаете бесплатно, даже перед небольшой аудиторией, например, перед прихожанами Пронского монастыря...

– Пронский монастырь – место моей особой любви. Здесь отец Лука благословил меня на участие в проекте «Голос»... А еще есть библиотеки и музеи! Больше всего я люблю выступать там, где ещё остались настоящие пианино или рояль... Мы со зрителями поем под живой аккомпанемент вместе, все собравшиеся. Люблю и ценю их сопереживание, соучастие. Еще очень люблю наши совместные концерты с коллегой Алексеем Богомоловым в Мальшинской богадельне. Вот уж где публика!.. Подойдут, расцелуют, похвалят, расспросят – и всё это с неподдельным, почти детским интересом... Радует сердце эта близость, человеческое тепло!

**Беседовала
Елена ФЕТИСОВА**
Полностью текст
беседы читайте
на <http://portal-logos.ru>

Андрей ОРЕХОВ

Окончание (начало
в №№ 2,3,4 газеты
«Логось» за 2019 год)

Станция Фосфоритная

Рассказ-быль полковника Андрея Орехова о поисках могилы деда – репрессированного священника Рязанской епархии Дмитрия ОРЕХОВА, служившего в Ходынино и скончавшегося в лагерях.

Поиски привели автора в Кировскую область на заброшенную станцию Фосфоритную, где ему неожиданно довелось воспользоваться гостеприимством сборщика ягод Толика, прятавшегося от призыва, и пообщаться со стариком – сыном лагерного охранника, тоже бывшим охранником.

Я решил, что сегодня пойду в «лагерь», а уж завтра с утра – на «кладбище», поминать деда. Через весь посёлок я вернулся ближе к станции и принялся искать следы узкоколейной дороги. Нашёл не сразу, её след шёл между посёлком и железной дорогой и уходил прямой линией к дальним зарослям кустарника и молодого леса. Я пошёл по следам узкоколейки от станции к лесу.

Скоро добрался до того места, о котором мне рассказывал старший охранник. Это были длинные прямоугольные ямы, заполненные строительными обломками, сквозь которые во множестве проросли кусты и молодые деревья. Здесь стояли казармы (баракы), а здесь, куда упирается след узкоколейки, когда-то были котельная и склад. Продравшись сквозь заросли березняка, я оказался возле развалин школы, самого крупного и добротного здания в посёлке, потому разрушить и растащить его без остатка было сложно. Ещё через сто метров я вышел на большую ровную площадку, на части которой сохранились остатки дощатого покрытия, положенного прямо на землю.

Вот и всё, что осталось. Ничего такого, что могло бы всколыхнуть фантазию. А разве нужно? Разве эти развалины и царящее запустение не являются свидетельствами горя, которым пропитано всё вокруг? Разве не подтверждают они слова старого охранника?

На душе было скверно. Душно, тяжкое место. Непролазный лес, гиблые болота, гнус летом, мороз и снега зимой. Как могли здесь выжить голодные измождённые ээки, одетые в робу и драные ватники, пропитание которых состояло из полубуханки хлеба и миски баланды в день? Помимо тяжёлых условий быта и изнуряющего труда их добивали облагавшие уголовники, жестокая охрана, жирующие «придурки», бессердечное командование, видящее в политических заключённых лишь врагов народа, врагов социально опасных, неисправимых, а значит подлежащих уничтожению.

Откуда попавшему сюда человеку черпать силы, чтобы не озлобиться, не потерять человеческий образ? Как остаться человеком и христианином, благодарящим Бога за всё?! Как можно в таких условиях «верить, надеяться, терпеть, прощать и любить»?...

С тяжёлыми мыслями я шёл по посёл-

Священник Дмитрий Орехов с семьёй в Ходынино, 1922 год

ку и не заметил, как оказался возле нашей избушки. На улице смеркалось, над лесом появилась белая луна, в белёсом северном небе мерцали две-три тусклые звезды.

Толик и Анюта были дома. Они встретили меня весело и радушно, как соскучившиеся по старому товарищу. Анюта приготовила на ужин пшённую похлёбку с картошкой, заправленную обжаренной с луком тушёнкой. Запах стоял умопомрачительный. Резаный репчащий лук и хлеб лежали на разделочной доске, жареные грибы в сковородке. Я тут же вспомнил, что с самого утра ничего не ел.

– Полковник! – обрадовался Толик, – Мы без тебя не садимся. Давай скорее, мой руки, жрать охота!

За ужином я рассказал ребятам о своей встрече со стариком из дальнего дома.

– Вохра поганая, шёл бы он... – выругался Толик.

– Он старый боль-

ной человек. Что он тебе плохого сделал? – спросил я.

– Мне ничего, а у других этот вертухай столько крови выпил, о-го-го! И сынок его в ментовке служит, чтоб ему...

– А, вот оно в чём дело, – рассмеялся я. – Тебе милиционер на Ниве покоя не даёт.

– Да видал я его, кому он нужен, – храбрился Толик. – Шастает тут...

Я улыбнулся. Ребята рассказали о сегодняшнем исключительно удачном сборе ягоды на Дымном болоте.

– Знаешь, ведь у нас тут и волки, и медведи, но не это главное. Место там нехорошее. Но какая ягода! – восхищённо покачал головой Толик. – Ща, покажу...

Он быстро вышел в сени и вернулся с пригоршней клюквы. Если честно, я не поверил своим глазам: отборная, чистая, одна к одной, размером с крупную чёрную смородину, ягода действительно была хороша.

– Слушай, Толик, собери мне завтра такой ягоды, я заплачу. Я завтра, наверное, последний день у вас. Послезавтра утром уеду.

– Живи, сколько хочешь, не жалко. Вместе веселее.

– Спасибо. Я всё здесь по-

смотрел. Осталась самая малость, завтра доделаю, и домой.

– Ну, смотри...

Пужинали, посмотрели на звёзды и стали укладываться спать. Ребята заснули быстро. Я помолился и какое-то время лежал, глядя в темноту перед собой. Вспоминал рассказ старика, представляя всё это воочию. С этим и уснул.

Спал хорошо, проснулся рано, вместе с хозяевами.

За окном раздался гудок и отдалённый гул проходящего поезда. «В Яр поехал. Завтра и я, Бог даст, на нём поеду обратно. Но осталось главное, то, ради чего я сюда приехал», – думал я, не торопясь допивая чай. И намеренно медлил за столом, чтобы остаться одному и подготовиться к литии.

Когда Толик с Анютой ушли, достал со дна сумки пакет, в котором, завернутые в льняное полотенце, лежали необходимые мне вещи. Сел и какое-то время собирался с мыслями. Сегодня последний день здесь, на севере вятской земли, на месте лесного лагеря, в котором умер мой дедушка. Надо хорошенько всё прочувствовать и запомнить.

Дмитрий Иванович Орехов, выпускник РДС, 1904

Ну, пора. Я вышел из дома, захватив фотоаппарат и свёрток в полиэтиленовом пакете. Не спеша миновал посёлок, ещё раз всё осматривая и запоминая, прошёл мимо разрушенного здания администрации, мимо дома старого охранника. Взяв правее, прошёл мимо добротного, но давно брошенного хутора, стоявшего на отшибе. Один, как последний зуб во рту старика, торчал он посреди заросшего поля. Миновав его, я вышел на луг, окружённый со всех сторон лесом. «Какие ж там овсы были, в поясе! Я таких овсов никогда не видал», – вспомнил я слова старого охранника. Вот оно, последнее пристанище заморенных голодом и замученных непосильным трудом людей. Сначала кладбище заключённых, потом овсяное поле, теперь луг.

Я шёл по пожелтевшей траве, выискивая место по ровнее и почище. Нашёл, остановился, помолился. Опустившись на колени, достал из внутреннего кармана куртки свёрток и разложил на разостланном полотне всё, привезённое с собой: свечу, спички, конверт с землёй с панихиды, чёрное пластиковое Распятие, сложенную пополам карточку размером с открытку, внутри которой был написан текст литии.

Несколько раз зажигал свечку, но она каждый раз гасла от лёгкого дуновения ветерка, и я оставил это занятие.

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Аминь!

Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!»

Молитва была напечатана на синей глянцево-карточке старославянской вязью на церковнославянском языке. Это несколько усложняло мою задачу. Приходилось останавливаться и вчитываться в каждое слово для правильного его произношения. Искажать и проглатывать я ничего не хотел, ведь приехал я сюда за столько вёрст именно для этого момента, ради этой самой минуты, и комкать её себе позволить не мог.

Добравшись до 90 псалма, застрял. Знакомый текст псалма, напечатанный вязью, совершенно не хотел вычитываться, но я медленно и упорно продолжал читать, тщательно произнося каждое слово, в отдельные моменты теряя логическую нить молитвы. Икос и кондак пошли легче.

«Во блаженном успении вечный покой подаждь, Го-

споди, усопшему рабу Твоему Димитрию, и сотвори ему вечную память.

Вечная память! Вечная память! Вечная память!

Душа его во благих водворится, и память его в род и род».

Не слишком хорошо помня распев, я, тем не менее, пел во весь голос, стоя на коленях посреди большого луга, не боясь быть услышанным. Кого стесняться?

Закончив чтение молитвы, я взял конвертик, который дал мне батюшка из Свято-Троицкого храма на заочной панихиде по рабу Божию Димитрию, и крестообразно высыпал его содержимое на землю. Светлый сухой песок почти сразу потерялся среди пожелтой травы.

Ну, вот и всё. Мне захотелось ещё почитать какие-нибудь молитвы. «Эх, молитвослов надо бы с собой взять, не сообразил, балда», – отругал я себя и стал вспоминать молитвы и отрывки из них, которые помнил наизусть. Стал молиться об упокоении душ всех усопших, кого смог вспомнить

«А выпало умирать в одиночестве, на нарах лагерного лазарета, измученному, истощённому, в нечистотах, без лечения и ухода, без доброго слова и Причастия. Какие думы ты думал в тюрьме, в лагере, перед смертью? Как молился? В чём черпал силы в самые тяжкие дни своей жизни?»

из родных, друзей, сослуживцев... Набралось много. Потом сел на землю и стал разговаривать с дедом. Разговор получился непростой.

«Здравствуй, дед. Вот я, твой внук Андрей, приехал к тебе на могилку. Я не знаю, где она, где твои косточки лежат, не могу им поклониться. Но я могу помолиться за упокоение твоей души, попросить прощения грехов и милости Господней. Всё, что возможно, я делаю.

Дед, ты меня никогда не видел, и я тебя тоже, я родился через 17 лет после твоей смерти. Но тоненькая ниточка родства не оборвалась. Твой младший сын Борис (мой отец) не был арестован как сын врага народа, остался цел в кровавой мясорубке войны, не погиб в немецком концлагере, выжил в ГУЛАГе на Колыме, выучился, женился, и вот чудо – появился я. Но ведь мы с тобой знаем, что чудес не бывает, во всём только промысел Божий. Спасибо, Тебе, Господи, за всё, слава Тебе вовек!

Заклученный Д.И. Орехов, Вятлаг, декабрь 1940

Дед, как жаль, что я не сидел у тебя на коленях и мы не беседовали с тобой о травах и птицах, книгах и музыке. Как жаль, что ты не рассказывал мне о Слове Божьем, не научил ухаживать за пчёлами, разбираться с конской упряжью, косить траву и многому-многому другому.

Дедушка Дима, я очень-очень тебя люблю. Мне бы очень хотелось услышать твой голос, поддержать за

полтора года в лесном лагере, а в самом конце жизни выпали на долю твою болезни, голод, холод, издевательства. Наверное, совсем не так ты представлял себе свою старость, приближение смерти и уход из жизни. Думал, что будешь лежать в своём доме, в своей постели, исповедавшись и причастившись Святых Христовых Тайн, а возле тебя будут стоять матушка Евгения, дети, внуки. А выпало умирать в одиночестве, на нарах лагерного лазарета, измученному, истощённому, в нечистотах, без лечения и ухода, без доброго слова и Причастия. Какие думы ты думал в тюрьме, в лагере, перед смертью? Как молился? В чём черпал силы в самые тяжкие дни своей жизни?»

Я лёг на спину, заложив руки за голову. Надо мной синело низкое северное небо, не родное, не рязанское. Это небо видел дед в последние полтора года своей жизни. И также по нему плыли облака. Я вспомнил песню Александра Галича:

«...Облака плывут в Абакан,
Не спеша плывут облака.
Им тепло, небось, облакам,
А я продрог насквозь, на века!

Я подковой вмерз в санный след,
В лед, что я кайлом ковырял!
Ведь недаром я двадцать лет
Протрубил по тем лагерям...»

Я продолжил свой разговор с дедом. «Да, дед, ты не прожил в лагере и двух лет. А что бы смог я на твоём месте, как бы себя вёл, что думал?

Наверняка, как любой христианин, перед близкой смертью ты просил у Бога прощения за грехи, просил милости, молился за родных и близких. А может быть ты вспоминал жёсткие слова отца, который настоял на твоей учёбе в духовной семинарии? Не жалел ли ты, что стал священником, а не ветеринаром, как мечтал? Ветеринары большевикам были нужны, лечил бы себе коров да лошадей в колхозе, жил тихо, глядишь, и пронесло бы... Но сложилось, как сложилось, на всё воля Божия».

Я сел и оглянулся, вокруг не было ни души. Достав нож, ковырнул землю и насыпал горсть в конверт. «Ну, что, Орехов, вот ты и сделал то, что должен был сделать. Пора домой», – сказал я себе и отправился к избушке. Внезапно я почувствовал неприязнь к этому месту, к посёлку, к лесу, ко всему... Мне захотелось быстрее уехать отсюда.

Авторский текст опубликован в сокращении

Послесловие

Спустя три года после поездки на Фосфоритную, в ответ на мои уточняющие вопросы по поводу местонахождения лагерных пунктов, пришло письмо из ФСИН, из Управления по руководству учреждениями с особыми условиями хозяйственной деятельности (УРУ-ОУХД УФСИН России по Кировской области), расположенного в посёлке Лесной Верхнекамского района Кировской области.

Там чёрным по белому было напечатано, что Орехов Дмитрий Иванович умер и похоронен в лагпункте №2 в посёлке Сорда, а в посёлке Фосфоритная находился лагпункт №10, в котором Орехов Д. И. никогда не был.

Я был крайне расстроен этим обстоятельством, и не знал, как мне быть. Получается, что я ездил зря? В посёлок приехал не тот, кладбище посетил другое, землю высыпал не там... Вроде, оно всё рядом (Сорда находится в 27 километрах севернее Фосфоритной на Гайно-Кайской железной дороге, по северным расстояниям – вообще ничто), но всё равно – не там! И ладно бы приехал на место лагпунктов 1 или 4, в которых дед действительно находился, а то съездил на станцию, где он вообще никогда не был. Ощущения досады и разочарования не покидали меня.

Кто виноват? Авторы писем, допустившие неточность в изложении или я, не докопавшийся до истины перед поездкой? Какая теперь уже разница...

Успокой меня священник, к которому я обратился со своей бедой.

– На всё воля Божья, – сказал он. – А вы не переживайте по этому поводу, вы всё правильно сделали. Не в километрах дело. Я думаю, что Бог вас услышал, и дедушка ваш тоже. Такими людьми, как отец Димитрий, укрепляется земля русская. У вас такой молитвенник на небесах, а вы грустите! Не у всех такой есть. Молитесь за него. Молитесь!

Так я и делаю.

Ваш ребенок идет в школу. Готов ли он к ней? Когда надо начинать готовить его к обучению? Эти и многие другие вопросы волнуют родителей будущих первоклассников. Психологическая готовность ребенка к школе – это своеобразие интеллектуального развития ребенка и некоторые особенности его личности, без которых невозможно успешное обучение в школе. Психологическая готовность к школе включает в себя личностную, интеллектуальную и мотивационную.

Личностная готовность

Каковы компоненты личностной готовности? Это умение строить отношения с учителем (умение регулировать свои действия и свое поведение, умение воспринимать учебную задачу). Умение общаться со сверстниками (принимать точку зрения другого, взглянуть на себя со стороны, выслушать одноклассников, адекватно отреагировать на неудачу других). Адекватное отношение к себе (отсутствие заниженной самооценки).

Зачастую развитию заниженной самооценки способствуют, к сожалению, сами родители (порицание за неудачи и равнодушие при успехах). Родители сравнивают достижения своего ребенка с достижениями других детей. Зависимость успеха и неуспеха от прилагаемых усилий в расчет не берется. Родители принуждают работать ребенка на «оценку» и все больше провоцируют страхи, неуверенность, тревогу.

Интеллектуальная готовность

Наиболее важные показатели – это развитие мышления и речи.

Очень полезно учить ребенка строить несложные рассуждения, выводы, используя слова: «потому что», «если – то», «поэтому».

Учите ребят задавать вопросы. Это очень полезно. Мышление всегда начинается с вопроса. Нельзя заставить мысль работать, если просто сказать «подумай».

Речь является основой, на которой строится учебный процесс. Особенно важно владение монологической речью – для ребенка это пересказ. После чтения задайте ему несколько вопросов по содержанию, попросите пересказать.

Особое внимание обратите на ориентировку в пространстве. Правильно ли ваш ребенок понимает и употребляет в речи предлоги и понятия: выше, ниже, на, над, под, снизу, сверху, между, перед, за, спереди от..., сзади от..., ближе, дальше, лево, право, левее, правее, ближе всего к..., дальше всего от...

Мотивационная готовность к обучению в школе – это желание учиться, получать знания, это умение слушать учителя и выполнять его задания (отнюдь не всегда интересные), это определенный уро-

Как подготовить ребёнка к школе?

Фото: Марина ДЕРЬБИЦОВА

«Важно умение взглянуть на себя со стороны, выслушать одноклассников, адекватно отреагировать на неудачу другого.»

вень развития мышления, памяти, внимания.

Как правило, компоненты готовности к школе возникают естественным путем при нормальном развитии ребенка, когда малыш много играет сам, со сверстниками, со взрослыми как в сюжетные игры, так и в игры с правилами, в настольные игры (мозаика, лото, конструктор, кубики).

Психика ребенка развивается в игре. Постепенно исчерпав свои возможности, игра, как ведущий вид деятельности, уступает место обучению.

Чтение также должно быть неотъемлемой частью каждого дня ребенка.

Моторика руки

Важным показателем готовности ребенка к школьному обучению является развитие тонкой моторики, двигательных навыков кисти, а точнее обеих кистей. Чем больше и разнообразнее работа кисти, тем лучше и быстрее совершенствуются её движения.

При подготовке ребёнка к школе важнее не учить его писать, а создавать условия для развития мелких мышц обеих (!) рук. Какими же способами можно тренировать детскую руку?

Существует много игр и упражнений по развитию моторики

– Лепка из глины, пластилина, песка.

– Рисование или раскрашивание картинок – любимое занятие дошкольников. Обратите внимание на рисунки детей: разнообразны ли

они? Если мальчик рисует только машины и самолёты, а девочка похожих друг на друга кукол, то это вряд ли положительно повлияет на развитие образного мышления. Родителям и воспитателям необходимо разнообразить тематику рисунков, обратить внимание на детали.

– Изготовление поделок из бумаги. Например, выполнение аппликаций. Ребёнку нужно уметь пользоваться ножницами и клеем.

– Изготовление поделок из природного материала и прочих подручных средств (кроме руки развивается фантазия).

– Конструирование.

– Застёгивание и расстёгивание пуговиц, кнопок, крючков, завязывание и развязывание лент и шнурков, верёвок. Плетение косичек.

– Нанизывание бус и пуговиц. Все виды рукоделия.

И многое другое, в том числе обычная помощь маме по хозяйству!

Ежедневно предлагайте детям такие занятия. Не спешите за ребёнка делать то, что он может и должен делать сам, пусть учится сначала медленно, но самостоятельно.

Специальные знания и навыки

О чем еще важно сказать?

Совершенно не обязательно уметь считать до 100, да это, по большому счёту, и не представляет особой сложности. Гораздо важнее, чтобы ребёнок ориентировался в пределах десятка, то есть считал в обратном порядке, умел сравнивать числа, понимал, какое большее, какое меньшее. Чтобы он не забыл цифры, пишите их. Если нет под рукой карандаша с бумагой, не беда, пишите палочкой на земле, выкладывая из камешков. Между делом посчитайте шишки, птичек, деревья. Предлагайте ребёнку несложные задачки из окружающей жизни. Например: на дереве

сидят три воробья и четыре синички. Сколько всего птиц на дереве? Ребёнок должен уметь вслушиваться в условие задачи.

К первому классу обычно многие дети уже худо-бедно читают, так что вы можете поиграть с дошкольником в слова: пусть он назовёт окружающие предметы, начинающиеся на определённый звук, или придумает слова, в которых должна встречаться заданная буква. Можно играть в испорченный телефон и раскладывать слово по звукам. И, конечно, не забывайте читать. Выбирайте книжку с увлекательным сюжетом, чтобы ребёнку хотелось узнать, что же дальше.

Обсуждая прочитанное, учите ребёнка ясно выражать свои мысли, иначе у него будут проблемы с устными ответами. Когда спрашиваете его о чём-либо, не довольствуйтесь ответом «да» или «нет», уточняйте, почему он так думает, помогайте довести мысль до конца. Приучайте последовательно рассказывать о произошедших событиях и анализировать их. Компании его сверстников предложите поиграть. Например: ребята загадывают какой-нибудь предмет и по очереди описывают его водящему, не называя задуманное слово. Задача водящего – отгадать это слово. С мячом можно играть в антонимы. «Чёрный» – кидаете вы мяч, «белый» – бросает ребёнок вам в ответ. Точно так же – в съедобное-несъедобное, одушевлённое-неодушевлённое.

Еще ребенок должен знать элементарные вещи о себе, о семье и об окружающем мире: свой адрес (разделяя понятия «страна», «город», «улица») и не только имена

«Совершенно не обязательно уметь считать до 100, да это, по большому счёту, и не представляет особой сложности. Гораздо важнее, чтобы ребёнок ориентировался в пределах десятка.»

папы и мамы, но и их отчества и место работы. К семи годам ребёнок вполне уже может понимать, например, что бабушка – это мамина или папина мама. Но, главное, помните: все-таки в школу ребёнок идёт не столько продемонстрировать свои знания, сколько учиться.

Готовьте ребёнка к школе, соблюдая меру и такт. Тогда учение не будет мучением ни для ребёнка, ни для вас.

Ольга БАБКИНА, учитель начальных классов

Елена ПУХОВА

О деточке бедной замолвите слово

После эпохи строгого воспитания в обществе наступает оттепель, когда с детьми начинают общаться очень мягко. А потом, когда без нажима дети с удовольствием «забывают» на все занятия, родители, казня и ругая себя за отсутствие либерализма, начинают «закручивать гайки». Ну, чтобы дети доучились в музыкальной школе, закончили «художку», дособрали пазл и прочее.

Вот только лозунг «Делай то, что хочешь, не хочешь – не делай», – предназначен для взрослых людей. И поэтому, если ты рыдаешь, когда садишься с чадом за английский, или чувствуешь себя тираном, заставляя играть гаммы – ты с собой сначала разберись. Пойми, почему твой ребёнок в «музыкалку» попал? Ведь как часто детей запикивают на занятия искусством из очень сомнительных побуждений: «Я бросил, вся жизнь пошла не так, пусть же дитячко милое всего добьётся и все окончит». То есть наши дети отрабатывают наши мечты!

А если сопротивляются, значит плохие, неблагоприятные, мы-то им, вестимо, только добра желаем. Ну, если ты такой продвинутый взрослый, что читаешь книжки по психологии, – пойдешь на курсы, их сейчас пруд пруди – научись рисовать, играть на шести аккордах на гитаре, всё, что душе угодно. Но менять свою жизнь всегда сложнее, чем выстраивать чью-то. А ребенок для нас, как пластилин, что хотим, то и лепим. Строим его планы на будущее, реализуя свои амбиции и мечты, оттого, что своим настоящим не довольны. Много нас таких, положила руку на сердце.

Мой сын бросил музыкальную школу, обладая абсолютным слухом. Устал от раз-

говоров о его потенциале и что «нужно поднажать». Последние полгода ходил туда только, чтоб родителям угодить. Некоторое время потом смотреть в сторону инструмента не мог. А позже музыка своё взяла – играет на гитаре, подбирает на слух на раз-два, сочиняет и поёт. Потому, что ему это интересно. Вот только я бьюсь с доброжелателями, которые дают советы, что играть ему нужно больше и непременно под метроном. Нужно будет – начнёт играть, захочет – выучится. Сейчас для этого масса возможностей. Я поняла, чего хочу в жизни, к сорока годам, но теперь за это, что называется, кусаться буду.

Дочка старшая осознанно потянулась к рисованию в девять лет, а младшая словно родилась с кисточкой и акварелью в руках. Моя задача – дать возможность попробовать многое, поддержать, объяснить, что за любым

мастером 30 % таланта и 70 % – кропотливого труда и повторений. А потом пусть сами выбирают своё направление.

Один мой знакомый в 18 лет разбил скрипку и, к шоку родителей-эстетов, ушёл в армию. Вернулся, отучился на программиста и работает в крутой компании. Счастлив. А ведь какие надежды подавал «скрипка» на скрипочке. Милой девчужке лет восьми мама и бабушка постоянно говорят о необходимости высшего образования. Что она их надежда, и ей обязательно нужно «кем-то стать». Девочка она хорошая, звезд с неба не хватает, но старается. Вот только забываясь к папе на колени она заглядывает ему в глаза и со слезами спрашивает: «А мне обязательно поступать в институт?». Ещё ничего не сделала, а уже боится не оправдать надежд.

Мой сын с пяти лет твердил, что хочет быть актёром,

мастером игрушек или поваром. Ну, вот к 20 годам разве что игрушки из дерева не пробовал вырезать. Как мать, я так сильно гордилась, когда он поступил в московский православный вуз. Вот только жильё в съёмной комнате, отсутствие друзей, однообразные дни, половина которых – дорога на учебу и обратно, сыграли с ним злую шутку. Он многое тогда понял. Сейчас он в Рязани, учится на повара и счастлив.

И тут уже многое поняла я. Опытным путём.

Поняла, что моя задача – засеять клумбу разными семенами, поливать, подбадривать, прикрывать на период роста, а потом отойти и не сожалеть о потраченных силах и времени. Когда будет нужно, на этой клумбе вырастет и пробьётся сильнейшее. Порою то, что и не сажала вовсе. И важно, чтобы новое не забило тягу к познанию, доброте, человечность. А уж где мои дети будут счастливы – лесниками в дремучем лесу, или президентами, не важно.

Елена ФЕТИСОВА

Этот текст на редакционном совете вызвал смешанные чувства. Очень талантливо – и всё же спорно. Крайне актуально и написано из глубины личного опыта – но опять же: сколько опытов, столько и мнений. Мы не смогли его не опубликовать, поскольку сейчас, в мае, множество школьни-

ков действительно испытывает чрезмерное и порой неоправданное давление родителей и педагогов.

Слишком много ожиданий и планов: сдать ЕГЭ не ниже столько-то баллов, поступить только в такой-то вуз... А мы знаем и видим каждый год в новостях, как часто детская психика срывается в крутое пике, и накануне решительных экзаменов происходит очередная трагедия. Здесь мне кажется бесценным опыт Елены ПУХОВОЙ, сумевшей принять выбор сына: вместо «престижной Москвы» – «простой» рязанский колледж. Это важно: вовремя остановиться и не давить там, где от давления уже только «резьбу сорвет».

Но, с другой стороны, хочется сказать и вот о чем. В моем личном опыте совсем наоборот – было много свободы и мало давления. Я не разбивала скрипку – просто бросила после 2 класса. Мне разрешали начинать и бросать бесконечное число кружков и секций. Это обогащает и развивает, верно – я ощущаю себя по-прежнему довольно творческим человеком, которому интересно и радостно жить. Которого не «замучили» в детстве. Но

Но мне – увы – крайне не хватает некоторых полезнейших навыков: доводить начатое до конца, выполнять рутинную работу вроде мытья посуды, хладнокровно планировать, например, финансовые траты, и так далее. Поэтому для

своих детей я бы хотела найти некую золотую середину: с одной стороны, дать им попробовать многое и так выбрать дело по душе. А с другой – научить доводить начатое если не до конца, так хотя бы до какого-то внятного промежуточного результата.

Давление – бесполезно и опасно, верно. Но совсем убрав «руку с пульса» мы рискуем лишить ребенка возможности реализовать его талант от банальной лени. Ведь не всегда тот, кто недоучился в бюджетной музыкальной школе, потом найдет финансы и время на индивидуальные музыкальные занятия для взрослых.

В общем, я за меру во всем. Как бы вот еще её найти...

Комментарий редакции

Замечали ли вы, что когда осудите кого-либо, через какое-то время то же самое происходит и с вами? В моей жизни этот духовный закон неожиданно обернулся во благо.

Примерно четыре года назад моя знакомая поступала на кафедру теологии в РГУ. Я тогда смеялся над ней. Нет, не то что бы я был какой-то ярый антиклерикал. Никогда. Просто я искренне не мог понять: вот физики, например, изучают физические законы. Химики – химические. Историки – историю. Философы – различные идеи, высказанные в мировой культуре. Это прекрасно. А что изучают теологи? Предмет исследования – что, или Кто? Надо сказать, я именно по этому поводу подтрунивал над знакомой.

И вот, как в фильме, перематываем на 4,5 года вперёд. Я стою на крыльце факультета русской филологии и национальной культуры РГУ, что напротив Атрона, и фотографируюсь с дипломом выпускника кафедры теологии. Бдышь! И в этот момент вспоминаю те беседы со своей знакомой. И свою самоуверенность, с которой тогда не мог понять, что же изучают теологи.

Много удивительного принесли эти четыре года. Однажды, например, надо было срочно-срочно оплачивать семестр (я учился не на бюджете). Денег в тот момент не было, как сейчас модно говорить, «от слова совсем». А платить надо вот-вот, в деканате грозят отчислением! И вдруг на карту приходит, не поверите, ровно та сумма, которая нужна была для оплаты. И плюс к тому 500 рублей. Даже на такси хватило.

Учёба, которая делала нас лучше

Долго я потом не мог понять, откуда эта сумма пришла. Я подумал, что это банковская ошибка: сейчас заплачу по-быстрому, а потом с зарплаты отдам. Зная, как там в этих банках долго разбираются, думал, что у меня как раз есть время. Однако даже через месяц так и не пришёл никто за этими деньгами. Звоню в банк – говорят, что никакой ошибки нет. Оказалось, что я чуть ли не за год до этого подавал документы на возврат налогов. Деньги и пришли оттуда. Я, если честно, вообще забыл про тот визит в налоговую. А делал это по крайнему настоянию родственников – они даже сами за меня тогда нужные бумажки собирали. Казалось бы, да, деньги мои, но, что называется, упали они прямо с неба.

Наш курс «заочников» – это взрослые состоявшиеся люди. У многих дети, да и не по одному. Работаем в разных сферах. Кто-то в сфере торговли, кто-то в банковской. Я в общественной организации. Был человек, который профессионально занимался отделкой. Вырваться на сессию было сложно. Но все мы отмечали, особенно это стало чувствоваться к концу учёбы, что каждый учебный семестр (раз в полгода, примерно 3 недели), для нас был глотком какой-то свободы, что ли. Удавалось немного отойти от суеты и прикоснуться, как бы это пафосно ни звучало, к веч-

ному. Это очень сильно вдохновляло.

Ещё ярко запомнился момент экзаменов. Не секрет, что существует такое правило в нашей системе образования: если человек дошёл-таки до выпускных экзаменов, то вероятность, что он закончит университет в этом году, близка к 100%. Ну, если не произойдёт какого-то форс-мажора.

На нашей кафедре это не так. Форс-мажор может произойти прямо на защите. Известно, что владыка, он же председатель комиссии, не любит профанации. Прийти и зачитать ответ по бумажке не получится. Спрашивают серьезно и невзира на лица. А выпускной экзамен по этому же принципу не является формальным актом перед получением диплома. Это особенно добавляло волнения.

Мы ещё делились с однокурсниками ощущениями: «Я взрослый человек, у меня двое детей, ипотека, кредит на машину... работа, суета. А сию как школьник и волнуюсь!»

Что-то важное и серьёзное произошло с нами во время учёбы. Да, это и знания, которые мы получили, это научная система подхода к изучению религии, не только Православия, кстати, что

Друзья! Напоминаем вам, что совсем скоро начнётся прием документов для поступления на ОТДЕЛЕНИЕ ТЕОЛОГИИ Рязанского Государственного Университета имени С. А. Есенина!

На одно из 15 бюджетных (бесплатных) мест бакалавриата могут быть зачислены выпускники средней школы, имеющие положительные результаты ЕГЭ по русскому языку и обществознанию. Решительными для поступления являются результаты собеседования, которое оценивается по 100-балльной шкале.

На заочную форму обучения по программе бакалавриата возможно поступление без ЕГЭ по внутреннему тестированию для выпускников средне-специальных учебных заведений и духовной семинарии (обучение платное).

На заочную форму обучения по программе магистратуры «Проблемы новейшей истории РПЦ: религиозно-философский аспект» возможно поступление при наличии высшего образования любого профиля по результатам вступительного экзамена (имеется 10 бюджетных мест).

Подробную информацию можно получить у сотрудников кафедры теологии по телефону 97-16-13

важно. Это то, что привили нам. Важно ещё, что нас научили, как бы это было бы ни странно, не верить сразу всему, что услышали. Надо разбираться во многих областях современного научного знания, чтобы понимать те или иные религиозные мотивы, которыми, как ни крути, пропитана современная жизнь.

А что ещё важнее, это не была учёба, как процесс перекачки знаний с одной флешки на другую – это была учёба, которая нас делала лучше. За что и спасибо всем, кто над этим трудились!

Иван КРЕСТЬЯНИНОВ
Фото из личного архива автора